

Второй дядя Ань сказал:

— Это дело вы должны объяснить моему старшему брату, а не мне. Обращение ко мне бесполезно!

— Если вы поможете замолвить слово, брат Дэ, возможно, он выслушает объяснения Чэнъяня, не так ли?

Второй дядя Ань махнул рукой:

— Лучше поторопитесь и отправьтесь с Чэнъянем в деревню Фуцю. Мой брат оберегает свою дочь Тун, как зеницу ока, и не позволит своему будущему зятю совершать такие поступки до свадьбы!

Уездный воевода Цзян также осознал, что это дело не удастся замять, и приказал Цзян Чэнъяню отправиться в деревню Фуцю, чтобы дать объяснения.

Цзян Чэнъянь был крайне раздражён. Каждый раз ему приходилось унижаться и извиняться, и даже после женитьбы на Ань Тун он не сможет поднять голову. Он был в ярости. Однако, опасаясь, что Шао Жу будет переживать, он решил объясниться с ней и согласился отправиться в деревню Фуцю.

Сюй Сянжу, находясь в деревне Фуцю, услышала о происшествии с Цзян Чэнъянем и Ша Цяньцянь, когда дело уже разгорелось.

Цзян Чэнъянь уже собирался пройти обряд совершеннолетия, и в его возрасте связь с куртизанкой могла считаться лишь поводом для светских разговоров. В кругах учёных мужей одни стремились к чистоте, другие использовали такие истории как способ завести знакомства. Поэтому жители деревни Фуцю не видели в этом ничего особенного, единственное, что их беспокоило:

— Эх, юная госпожа Ань ещё не вышла замуж за Цзяна, неужели он приведёт с собой наложницу?

— Я слышал, что юная госпожа Ань очень расстроена и опечалена!

Сюй Сянжу была в недоумении. Когда она слышала об этом от Чжэн Чуэр, Ань Тун выглядела скорее возбуждённой, чем расстроенной. Почему же сейчас она должна быть опечалена?

Позже она также услышала о том, что Ша Цяньцянь встречалась с Цзян Чэнъянем до того, как сняла с себя клеймо куртизанки. К тому времени, как слухи дошли до деревни Фуцю, они превратились в историю о том, что Цзян Чэнъянь хотел взять Ша Цяньцянь в наложницы, встречался с ней, и она так измучилась, что не могла показываться на люди.

Сюй Сянжу лично слышала от Ша Цяньцянь, что с августа прошлого года они с Цзян Чэнъянем не виделись. История о том, что они встречались до изнеможения, казалась крайне странной и неправдоподобной, поэтому Сюй Сянжу полагала, что дело не так просто.

Несмотря на все слухи, Цзян Чэнъянь всё же отправился в деревню Фуцю вместе с уездным воеводой Цзяном.

Сюй Сянжу, не в силах сдержать любопытство, отправилась к дому семьи Ань, чтобы посмотреть на происходящее. Однако дом был окружён плотным кольцом зевак. Она могла

лишь слышать, как изнутри доносились голоса:

— Почему юная госпожа Ань выглядит такой измождённой?

Сердце Сюй Сянжу сжалось. Неужели Ань Тун так страдает из-за Цзян Чэнъяня?

Затем она услышала:

— Ох, юная госпожа Ань плачет!

Сюй Сянжу удивилась:

— Что?

Ань Тун плачет из-за Цзян Чэнъяня?

Услышав всё больше нелепых разговоров, Сюй Сянжу решила уйти. Ей здесь всё равно нечего было делать, лучше дождаться окончания событий и потом расспросить Ань Тун.

— Брат Даофан, я наблюдал за Чэнъянем с детства и всегда был им доволен. Но даже если я доволен, если в его сердце нет места для Туна, как я могу быть уверен, что он сможет заботиться о ней в будущем? — сокрушался староста Ань.

— Брат Дэ, это всего лишь юношеская неопытность, он не знал, что делает. К тому же, это всё в прошлом. Я спрашивал Чэнъяня, он лишь обсуждал с той куртизанкой поэзию и цветы, ничего больше, — сказал уездный воевода Цзян.

Староста Ань, Ли Цзиньсю и Ань Тун подумали:

— Верить твоим словам — всё равно что верить в чёрта!

Цзян Чэнъянь также был озабочен отсутствием Шао Жу рядом с Ань Туном. Его тревога не ускользнула от взгляда старосты Ань, и если бы он не вспомнил, как Цзян Чэнъянь жаловался на Ань Тун, то, возможно, снова попался бы на его уловки.

Ли Цзиньсю сказала:

— Мы думали, что Чэнъянь будет верен Туну, но, услышав эту новость, у неё снова начались головные боли. Она страдает, и мы тоже в отчаянии!

Ань Тун, следуя её словам, схватилась за голову, изображая из себя слабую и незащищённую.

Цзян Чэнъянь бросил на неё взгляд, но промолчал.

— Прошу прощения, но всё это произошло потому, что брат Дэ затянул с обсуждением свадьбы. Посмотрите, все ровесники Чэнъяня уже обзавелись детьми, а он до сих пор не может даже прикоснуться к женщине. Почему бы не воспользоваться этим случаем и не обсудить свадьбу?

— Пф, ещё хочет сохранить брачный договор? — прокричала в душе Ань Тун.

Староста Ань выглядел крайне озадаченным:

— Не то чтобы я не хотел, но, брат Даофан, вы же знаете, у нас только одна дочь, Тун, и мы не

хотим отпустить её из дома так рано!

Уездный воевода Цзян и Цзян Чэнъянь подумали:

— Ань Тун уже семнадцать лет, а другие девушки в её возрасте уже нашли себе женихов. Почему же она должна ждать до восемнадцати или девятнадцати?

В этот момент Ань Синь подошёл и сказал:

— Господин, у ворот стоит женщина, которая ищет кого-то.

— Кто она и кого ищет?

Ань Синь бросил взгляд на Цзян Чэнъяня, быстро скрыв отвращение в глазах, и сказал:

— Женщина по фамилии Ша, которая называет себя... истинной любовью господина Цзяна.

Слово «истинная любовь» было подсказано Ань Тун Ань Синю. Она узнала его из описаний писателя и решила, что оно идеально подходит для этой ситуации.

Виски Цзян Чэнъяня застучали. Он боялся, что это Шао Жу, которая решила объявить об их отношениях перед всеми. Он не боялся ответственности, но беспокоился, что это может навредить Шао Жу. Но если это женщина по фамилии Ша, то это могла быть только Ша Цяньцянь!

Думая об этом, он усмехнулся:

— Она пришла как нельзя кстати!

Когда они стали «истинной любовью»? И почему эта история выплыла наружу? Он не мог найти Ша Цяньцянь, а она сама явилась к нему!

Уездный воевода Цзян инстинктивно посмотрел на сына и, увидев его спокойное выражение лица, понял, что между ними ничего не было, и облегчённо вздохнул.

На самом деле он прекрасно понимал, что Цзян Чэнъянь не хотел жениться на Ань Тун, но он также понимал, какую выгоду сулит семья Ань.

Раньше он не стал бы так думать, ведь у семьи Ань были свои традиции и связи, как и у семьи Цзян. Но чтобы поддерживать эти отношения, он ежегодно тратил огромные суммы на подарки и связи.

Его отец не был так искущён в общении, как отец Ань Дэ, и он сам не был так хорош в управлении людьми. К тому же, находясь на службе в уезде Таоцзян, он не мог часто видеться со старыми знакомыми, поэтому поддерживал отношения только через подарки. Его жалования едва хватало на такие расходы.

К тому же, у Ань Дэ и Ли Цзиньсю много лет была только одна дочь, Ань Тун, и они не думали о том, чтобы взять приёмного сына. Уездный воевода Цзян решил, что рано или поздно Цзян Чэнъянь женится на Ань Тун, и тогда всё, что принадлежало семье Ань, станет его.

Думая об этом, его кровь закипела, и он начал воспринимать всё, что принадлежало семье Ань, как своё.

Но Цзян Чэнъянь сказал ему, что не хочет жениться на Ань Тун. Как это возможно?

Даже если Цзян Чэнъянь не любил Ань Тун, он должен был жениться на ней. С её способностями, даже если он заведёт наложницу, она вряд ли заметит.

Ша Цяньцянь, в шляпе с вуалью, вошла в дом семьи Ань, поддерживаемая служанкой. Любопытные зеваки хотели увидеть лицо знаменитой куртизанки, но вуаль скрывала её черты, позволяя лишь разглядеть её стройную и грациозную фигуру.

За ней тянулся аромат, который заставлял сердца зевак трепетать:

— Не зря она знаменитая куртизанка, как же она благоухает! Жаль, что не видно её лица.

— Пф, многие готовы заплатить тысячи, чтобы увидеть её, а ты ещё мечтаешь! — кто-то насмешливо сказал.

Хотя это было преувеличением, но не каждому выпадала возможность увидеть лицо знаменитой куртизанки. Конечно, во время ежегодных аукционов в казённых заведениях, куртизанки выходили, чтобы развлечь богатых клиентов, и тогда простые люди могли мельком увидеть их.

Но жители деревни Фуцю бывали в городе лишь несколько раз в год, и вряд ли попадали на такие события.

Ша Цяньцянь вошла в передний зал, и даже сквозь вуаль почувствовала опасный взгляд Цзян Чэнъяня. Но она уже была здесь, и семья Ань, как и обещала, вернула ей статус свободной женщины. Отступить было некуда.

Думая об этом, она сняла вуаль и, с нежностью взглянув на Цзян Чэнъяня, сказала:

— Ань Лан, ты наконец решил расторгнуть помолвку с семьёй Ань?

В просторном зале, где лёд в сосуде создавал прохладу, все ощущали свежесть, несмотря на летний зной.

Лёгкий ветерок коснулся вуали в руках Ша Цяньцянь, и в зале стало так тихо, что казалось, можно было услышать его шёпот.

<http://bllate.org/book/16381/1482654>